

ных божков всех времен года, всех обычаев и ожиданий. Голого ребенка старшие тащили купаться, с промысла шла к деревне долблена лодка, и я, выныривая, боялся удариться о ее дно...

На берегу меня ждали. Рыбаки уже ушли, ушла и женщина с ними. Но мы еще побыли, взбодрили забытый рыбаками костерок, старшие поехидничали надо мной, что я оторвался от интеллигенции, стали учить, что не надо приседать перед читателем, надо вести его за собой. Попробовали и запеть, но на общую песню не набрели, решили уезжать. Загасили костер.

Шофер спал. Бедному, ему и выпить было нельзя. Был ли он на вечере в клубе, спросил я его. Нет, конечно, не был, он этих вечеров перевидал страшное количество.

Проехали напоследок по деревне. У правления простились с хозяевами. Шофер залил в радиатор воды. Было еще не совсем темно. Со столба, стоящего у крыльца, слышался громкий голос. Здесь тоже висел «колокольчик» — усилитель радио. Читали наряд на завтра.

ПРИВЫЧНОЕ ДЕЛО ВАСИЛИЯ БЕЛОВА

На необозримых пространствах российской словесности никогда не было тесно ни одному таланту, более того, эта словесность из века в век живет ожиданием нового слова о бегущей действительности и каждый раз радуется ему.

Появление Василия Белова в российской литературе было настолько естественным, что сейчас невозможно говорить о литературе вообще, не имея в виду того, что написаны, и изданы, и прочитаны книги Белова: «Холмы», «Гудят провода», «Целуются зори», «Привычное дело», «Плотницкие рассказы».

И вот, наконец, перед нами прекрасный однотомник Василия Белова «Повести и рассказы». Вышедший в библиотеке журнала «Дружба народов», он явился ее украшением. И для самого творчества писателя это как бы венец, покрывающий четвертьвековой этап творчества: здесь получили логическую завершенность

многие линии и коллизии житейских судеб, воплощенные в строки и абзацы беловской прозы.

Мне ни разу не приходилось видеть книги Василия Белова запертыми в застекленных темницах книжных шкафов — книги его согреты теплом читательских рук, в которых они постоянно находятся. По себе и по опыту многочисленных встреч с читателями я узнал волшебное свойство книг Белова — это то, что время от времени они непременно перечитываются, их не хватает «в минуту жизни трудную». Отчего это?

Это оттого, что они согреты негасимым источником тепла и доброты — писательской душой, его страстным стремлением сказать времени правду, его беспредельной, пронизывающей пространство любовью к людям, его состраданием к делам и событиям человеческой жизни. Старики и дети, взрослые и подростки, женщины и мужчины — все люди, особенно земляки, с огромной радостью чувствуя талант писателя, выходца из своей среды, подчинились его перу и заняли подобающее место на страницах его книг.

Еще ни разу не видел я среди тех, кого люблю и чьему читательскому мнению доверяю, кто остался бы спокойным, дочитывая «Привычное дело»:

«...Горький отрадный дым от костров тут и там таял в ясном, неощущаемом воздухе: копали везде картошку. Стая прилетевших из леса и готовящихся в путь скворцов опустилась в поле; за речкой, за желтым березняком кричали ребятишки. Белая колокольня развороченной церкви явственно выделялась на спокойном, по-осеннему кротком небе. Зябкая речка, огибавшая холм с кладбищем, не двигалась, и синенькое небо, отраженное ею, казалось чище настоящего, верхнего неба».

И вот муж, похоронивший жену и чувствующий себя, только себя, виноватым в ее смерти:

«...Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Вот один теперь... Как по огню ступаю, по тебе кожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя. Уж так худо, думал за тобою следом».

Приближение любой и каждой человеческой жизни к смерти есть отчет за прожитый на земле срок. Исследуя разные судьбы — состоявшиеся и неудачные, — писатель вскрывает самые различные причины, влиявшие на человека, но всегда оправдывая и прославляя

человеческое бытие, в изломанных судьбах он винит прежде всего самого человека, считая только его одного ответственным за каждый поступок.

В однотомнике библиотеки «Дружба народов» выстроилась написанная в разные годы история сельского паренъка Константина Зорина. Бесхитростный, привыкший с малолетства к нелегкому труду, неискушенный в житейских передрягах, он проходит нелегкий путь познания. Образ его, начавшийся в «Плотницких рассказах», продолженный в «Воспитании по доктору Споку», в рассказах «Чок-получок», «Свиданиях по утрам» и «Записках нарколога», раскрытый в записках сорокалетней женщины «Моя жизнь», образ этот заряжен огромной и вместе с тем ненавязчивой силой примера взлетов и падения человеческой натуры...

Когда речь идет о большой литературе, о глубоких исследованиях человеческого духа, сразу неприменимыми становятся обычные, примелькавшиеся слова о системе образов, сюжете, характерах. Для большой литературы, для таланта это данное, — он идет дальше, он говорит своему времени правду. Общество, говорящее правду о себе, является здоровым обществом, обществом прогресса. И какое счастье, что в нашей стране большая литература является литературой правды, и в первых рядах ее — Василий Белов.

Сказавший, казалось бы, о географически ограниченной площади своей родины, Вологодчине, он сказал о нашей жизни, о нашем времени.

Давно затихли споры о «деревенщиках» в нашей прозе. И кажется, рассердившись на повешенный ему ярлык, первым восстал против такого ограничения темы писателя Василий Белов. Да ведь и деревень-то в привычном представлении классической прозы Толстого и Бунина, Тургенева и Лескова, Чехова и даже Платонова не осталось. И что есть последние работы Белова, как не напоминание читающей публике и критике об элементарной истине, что городские жители по корням суть деревенские, что сила Матери-земли дается всем, но только благодарные сыновья, где бы они ни жили, могут наполниться ею. Даже не помня названия рассказа или повести, помнишь постоянно напряженность авторской мысли, его гражданскую позицию. Женщина в кафе куском белой булочки вытирает жирные белые пальцы, что это? откуда это? за

что посетило ее такое забвение такого страшного и недавнего прошлого? И автор (очень кстати сказать, что Белов никогда не прячется за навязанное русской литературе понятие лирического героя: там, где он пишет от первого лица, там он выступает от своего имени), и автор возвращает нас к этому недавнему прошлому, возвращает насильно, не стесняясь тем, приятно это будет кому-то или неприятно вспоминать, он очевидец эпохи, он видел, как умирают на холодных печах иссохшие от голода старухи, все отдавшие людям и не получившие даже мало-мальски приличных похорон. Он говорит о русских печах, которые не остывали по две сотни лет. «Я помню, как судьба вынудила мою мать уехать из деревни в город и как сразу страшен, тягостен стал для меня образ навсегда остывшей родимой печи. Тиль Уленшпигель на всю Фландрию ворил о пепле Клааса. И гезы собирались на этот призыв со всей Фландрии. Мне же вопить не позволяет совесть, хотя и в мое сердце стучит пепел: на наших глазах, быстро, один за другим потухают очаги нашей деревенской родины — истоки всего.

И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы мы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть родина...»

И эта родина, а конкретно уточняя, Вологодчина, ее срединный Харовский район, светят со дна жизни писателя, и он сам выбрал себе такую судьбу, что всю силу своей природной одаренности он положил к алтарю Отчизны, к ее бедам и радостям, к ее надеждам и свершениям, к ее прошлому, в котором зарождались во все века зерна и ростки ее великого будущего.

Кроме городских повестей, в книгу «Воспитание по доктору Споку» включена как бы и не деревенская, и не городская, а соединительная — «Плотницкие рассказы». Костя — человек городской, хотя и деревенский выходец, а плотники Олеша и Авинер — коренные. Одна из потрясающих сцен повести — заключительная. Казалось бы, непримиримые врачи сидят рядышком. «Боже мой, что это? Я не верил своим глазам. За столом сидели и мирно, как старые ветераны, беседовали Авинер и Олеша... Потом они оба, клоня

сивые головы, тихо, стройно запели старинную притяжную песню.

Я не мог им подтянуть — не знал ни слова из этой песни...»

Мотив традиционный и бессмертный для русской литературы — мотив прощения и безвозвездия — один из главных в повести. Но автор не был бы Беловым, если бы не пытался понять, как же так, откуда происходят Козонковы? Как же так, за что страдают безвинно Смолины? Ответ сложнейший, неоднозначный. Он приходит издалека, от отцов еще и дедов нынешних стариков. Козонковых «...отец к делу особо не приневоливал, да и сам, бывало, не переломится на работе. Все больше рассуждал, да на печке зимой грелся, а потом не столько сено косил, сколько рыбу удил». Вот и Ванька — достойный сын своего отца, с малолетства сваливает вину на других, любит поспать и поесть, лодырь, но перед начальством первый, хлебом не корми, дай ему что-либо организовать, кого-либо упечь и разоблачить. Пишет жалобы, даже и под старость не может успокоиться, хлопочет о персональной пенсии. Он и деток под стать вырастил, дочь его Анфей — женщина развратная, сменившая родовое имя на городское — Нелли. Вот и внук Славко около деда тянется к рюмке. «Я пытался протестовать: мальчишке было всего шесть или семь. Но Козонков даже не повел ухом и принял протест как шутку». Даже и собака Козонковых под стать хозяевам, в ней подтверждается давнее правило, что собака походит на тех, кто ее содержит. От нее и порода идет соответственная: «...беспрерывно, с провизгом лаяла... собачка, причем передняя ее часть извергала самую натуральную хулу, а задняя при помощи виляющего хвоста изображала преданную служливость». Образ Козонкова сродни образу свата Андрея из «Вологодских бухтин», а образ Смолина терпением своим и жизнестойкостью напоминает Ивана Африкановича Дрынова из «Привычного дела», а своим затаенным, лукавым юмором Кузьму Ивановича Бараквостова, рассказчика «завиральных» бухтин. Образ же бригадира Кости переходит из плотницких рассказов в рассказы городские. Взаимосцепленность образов, их зависимость друг от друга очень велики в прозе Белова. Многие и многие статьи написаны о книгах прозаика, и главным в его творчестве всегда отмечается потря-

сающая до слез любовь к своей родине и труду во славу ее. Труд — вот что создает человека. И мысль об этом проходит сквозь все творчество писателя.

А творчество это настолько многогранно, что невольно приходит сравнение его с какой-то даже пушкинской легкостью и подвластностью перу Белова всех жанров литературы.

Он — романист. В произведениях о переломном моменте в жизни крестьянства — коллективизации — роман Белова «Кануны» один из самых заметных.

Он — драматург. С громадным успехом идут на подмостках театров его пьесы «Над светлой водой», «Сцены из районной жизни». В драме «Кощей бессмертный» Белов обратился к стихотворному размеру, использовав ритм народного сказа.

Он — страстный публицист. Его статьи о проблемах деревень, о дорогах, о пьянстве, об общежитиях, об искусстве неизменно современны и своевременны.

Он — прекрасный очеркист. Достаточно вспомнить его очерки «Бобришный угор», «Моздокский базар», «За дальним меридианом».

Он — удивительный рассказчик. Лаконичный жизненный случай у Белова всегда та самая капля воды, в которой отражается судьба человека, поколения.

Если бы мы взялись анализировать талант Белова со стороны способности владеть не только жанрами, но и приемами, то и тут нельзя не подивиться его многогранности. Причем нельзя сказать, чего больше в таланте — сатирического, эпического или лирического. Во всех своих вещах он является одновременно самым разным: будь то крохотный рассказ доярки о поездке в Москву или «заявление» механизатора о конфликте с женой, будь то огромное исследование об эстетике крестьянской жизни. И в каждом своем произведении, требующем отдельного обстоятельного разговора, главное — человек на земле, дело рук человека и красота окружающей его жизни, понимание ее, бережное к ней отношение.